

УДК 378

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Н. Ю. Налётова

Смоленский государственный университет

Поступила в редакцию 2018 г.

Аннотация: изучены причины, формы, тенденции протестного поведения студентов в духовных семинариях России путем сосредоточения исследовательского интереса на региональном субъекте, на реальных событиях, имевших место в смоленской духовной семинарии в середине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: история образования, протестные настроения, семинария, духовное образование, студенты.

Abstract: article is devoted to studying of the reasons, forms, tendencies of protest behavior of youth in theological seminaries of Russia which is carried out by concentration of research interest on the regional subject, on the real events taking place in the Smolensk theological seminary in the middle of XIX – the beginning of the XX centuries.

Key words: education history, protest moods, seminary, spiritual education, youth.

Середина XIX – начало XX в. было временем обострения социальных противоречий и роста отчуждения в обществе.

Одержимость, протестные настроения, нигилизм, отщепенство стали болезнью учащейся молодежи российских духовных школ. Б. В. Титлинов отмечает, что, начиная еще с конца 50-х гг., учащиеся семинарий все чаще принимают участие в политических событиях: «...в семинарии стали проникать идеи народничества и даже социалистические идеи» [1, с.56]. О сильном влиянии революционных процессов на духовное юношество свидетельствуют тревожные доклады ректоров семинарий в Синод.

О причинах протестного настроения в семинариях и о нравственном состоянии воспитанников духовных школ того периода свидетельствуют научные труды и мемуары церковных историков. Так, митрополит Евлогий (Георгиевский) (1868–1916) связывает революционные настроения в духовных школах с социальной несправедливостью: «Забитость, униженное положение отцов сказывались бунтарским протестом в детях» [2, с. 19].

Митрополит Вениамин (Федченков) считает события в духовной школе следствием внутренних нестроений, а именно результатом неправильного воспитания, ведущего к нигилизму:

«У нас, семинаристов, укоренилось убеждение, что если кто умный, тот не верующий» [3, с. 31]. Сходный взгляд демонстрирует И. К. Смолич, который считает, что если в николаевскую эпоху семинарист «стоически переносил прочную педагогику бурсы... принимая наказание с покорностью... то в 60-х гг. в семинарских стенах повеял свободный ветер» [4, с. 470].

Не менее распространенной причиной беспорядков в семинарии, которую фиксируют очевидцы тех событий, является быт – недовольство самой внутренней организацией духовной школы, представителями администрации, порядками и условиями проживания [5].

Волнения, неоднократно возникавшие в духовных учебных заведениях Российской империи в период с 50-х г. XIX до первых десятилетий XX в., сильно затронули губернии. В частности, в данной статье сосредоточим свое внимание на обычном провинциальном городе Российской империи и посмотрим, как развивались события в одной из российских духовных школ – Смоленской семинарии.

Поводом для первого заметного происшествия в Смоленской семинарии послужила эпидемия холеры, вспыхнувшая в городе в начале июня 1848 г. Студенты были крайне напуганы возникшей угрозой. Крайне скудное существование семинаристов делало их вероятной жертвой болезни. Из отчета

ревизора было видно, что «семинарские корпуса тесны, в них не хватает кроватного белья, столов, табуретов, не имеется умывальниц... в жалком виде ученики... по тесноте в комнатах невозможно соблюсти чистоту и опрятность» [5, с. 210].

Архимандрит Иосиф (Познышев), ректор семинарии, собрал 5 июня всех учащихся в семинарской зале, желая успокоить их. А в ответ на свои наставления и увещевания услышал от воспитанников старших классов несколько дерзких возгласов и требование отпустить их по домам.

Однако без дозволения высших властей семинарское начальство не могло осуществить преждевременный роспуск воспитанников. Решение вопроса стало затягиваться. В результате в последние два дня в стенах семинарии вспыхнул явный бунт. Воспитанники демонстративно выказывали неподчинение распоряжениям семинарской администрации, били стекла в жилых помещениях и классных комнатах, сломали несколько предметов мебели [5, с. 157].

Дозволение досрочно отпустить воспитанников на летние каникулы было получено через 5 дней после начала волнений. К этому моменту возникший между преподавателями семинарии и воспитанниками накал уже успел «пойти на убыль» [6, с. 88].

У историка-краеведа Ивана Сперанского отмечено, что в сентябре семинарское правление завершило расследование июньских беспорядков. По определению семинарского правления от 16 сентября, четверых решено было исключить из числа воспитанников школы, одного подвергнуть семидневному, а еще двоих – двухдневному заключению в карцер и, наконец, двоих подвергнуть наказанию розгами. Однако преосвященный Тимофей вмешался и смягчил определенное юношам наказание. В резолюции на это решение семинарского правления он написал: «Не исключать их, а наказать соразмерно их вине; может быть, они и исправятся» [5, с. 162–163].

Бунт принято считать стихийным проявлением недовольства толпы, поэтому бунты семинаристов в историографии относят к стихийным явлениям. На самом деле семинарские выступления не всегда были необдуманным фактом, а часто имели определенную политическую цель, пусть и не всегда четко сформулированную.

Из заметки газеты «Русская земля» видно, что 3–4 мая 1899 г. в смоленской семинарии вновь прошли крупные беспорядки, которые привели к закрытию семинарии. Возмущение семинаристов вызвал запрет участвовать в общественно-политической жизни страны, читать не только газеты

и журналы, но и просто художественную литературу.

4-й класс семинарии собрался в одном месте и устроил митинг, затем по коридору стали бросать петарды. Ученики того же 4-го класса, которые сдавали экзамен, заявили преподавателю, что в таких условиях сдавать экзамен они не будут. Когда преподаватель вышел, чтобы сообщить об этом ректору, ученики громко запели Марсельезу, стали бросать петарды и разливать вонючую жидкость. Появился ректор, пение стихло, но стали раздаваться крики: «Вон! Вон!» Крики смолкли лишь тогда, когда ректор заявил, что эти крики его не смутят. Тем не менее экзамен больше не продолжался, семинаристы стали вновь петь революционные песни, бросать петарды и вести себя вызывающе. Ректор и инспектор удалились в учительскую, вскоре в косяк двери было произведено 3 выстрела из револьвера. К 11 вечера семинаристы начали расходиться с пением революционных песен, били стекла и вновь стреляли из револьвера.

На следующий день семинария была окружена полицией и солдатами, были произведены обыски, в результате которых было найдено много нелегальной литературы. В 6 часов вечера семинарию закрыли, а учеников распустили по домам. В результате бунта в семинарии было разбито 248 стекол, не считая простреленных дверей и других повреждений [7].

Вспышки политических увлечений студентов-семинаристов отмечались и далее. Есть в архивах и сведения о том, что семинаристы неоднократно распевали революционные песни, даже в домовую церковь шли с пением Марсельезы. А однажды над зданием семинарии был выброшен красный флаг, на котором было написано: «Долой самодержавие – да здравствует свобода».

Революционизирование духовной школы демонстрирует и поведение отдельных семинаристов. Так, 21 октября 1903 г. на железнодорожной станции Смоленск был задержан жандармерией воспитанник VI класса семинарии Василий Медведков при получении двух ящиков с нелегальной литературой.

Подробности случившегося отражены в секретном извещении начальника Смоленского губернского жандармского управления, адресованном епископу Смоленскому и Дорогобужскому от 22 октября 1903 г.: «Вчера... при осмотре сундуков в присутствии г. Инспектора Семинарии в вещах Медведкова обнаружена книга-журнал “Заря” противоправительственного направления и переписка, пока не просмотренная» [8, л. 9–11].

С мнением Учебного Комитета при Святейшем Синоде по поводу происшествия на вокзале можно ознакомиться в журнале заседания Комитета от 26 мая 1904 года: «...происшедший 21 октября 1903 года факт арестования воспитанника VI класса Медведкова при получении им с вокзала железной дороги присланных из-за границы двух ящиков с противоправительственными изданиями свидетельствует о проникновении в среду воспитанников Смоленской Семинарии преступной пропаганды» [8, л. 16].

В журнале есть указания на найденные Учебным Комитетом серьезные пробелы в состоянии воспитательной работы в смоленской семинарии: «...для воспитательных целей учебного заведения важное значение имеет и то, что в Семинарской церкви за богослужением бывают лишь немногие преподаватели, даже в Царские дни. Положение административно-воспитательной части в Семинарии тем более требует заботливого к ней внимания, что среди воспитанников заметны были лица, подозрительно-сочувственно относившиеся к арестованному 21 октября за прикосновенность к преступной противоправительственной пропаганде воспитаннику Медведкову» [8, л. 17].

Часто в поведении семинаристов сочетались элементы нигилизма, религиозного охлаждения и юношеского буйства.

У исследователя А. И. Назаровой мы находим сведения о том, что в том же 1903–1904 учебном году в начале марта в семинарии имело место еще одно скандальное происшествие. Учащийся VI класса Андрей Акунин, с 8 марта лежавший в больнице, начал уже надолго уходить из нее и готовился к выписке утром 22 марта. Накануне вечером он уговорил воспитанника III класса Александра Колесничева съесть вместе с ним мясной ужин. Это был понедельник Страстной недели, на которой семинаристы обязаны блюсти строгий пост. Узнав обо всем, духовник семинарии, священник Иосиф Алмазов, утром пришел в больницу, желая побеседовать с воспитанниками об их поведении. Акунин ответил на увещевания довольно дерзко: «А что же нам, голодными быть? Ведь из семинарии приносят холодный обед!» [6, с. 90–91].

Встретив такое упорство, возмущенный священник сказал, что велит выбросить их мясные порции собакам. Однако выписанные в первой половине того дня, оба воспитанника к обеду возвратились в больницу, потребовали вновь мясной обед, а уходя, велели повару приготовить себе еще и ужин.

Характерен тот факт, что наказание за подобное открытое неповиновение последовало очень

мягкое: провинившиеся воспитанники лишились причастия в Великий четверг и удостоились его только в субботу.

В донесении ректора семинарии епископу Смоленскому и Дорогобужскому сообщается о том, что семинарское собрание занималось этим вопросом, однако затруднилось разбирать дело своих сослуживцев.

В результате неразумных действий семинарского Совета дело получило ненужную огласку. Действительный статский советник Д. И. Тихомиров был прислан в Смоленск. Перед ним поставили цель провести ревизию семинарии. По результатам ревизии он сообщал, что воспитательная работа в семинарии имеет много существенных недостатков: «Среди воспитанников замечено ослабление дисциплины, которое выражается в умножении случаев употребления спиртных напитков, в уклонении от богослужений и молитв, самовольных отлучках в учебное время в дома родителей. Были случаи грубых и дерзких отношений к лицам семинарской инспекции и преподавателям» [8, л. 13].

Также ревизор отметил, что воспитанники не ограждены от зловредных внешних влияний. Не могло не сыграть негативной роли и отсутствие единомыслия в административно-воспитательных взглядах и действиях между ректором и членами семинарской корпорации. Последнее, несомненно, осознавалось воспитанниками и еще больше расшатывало дисциплину. Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих мемуарах описывает подобные «нравы» семинаристов и объясняет их беспризорностью и той полной свободой, в которой пребывала молодежь.

Между тем, имел место и обратный факт. Как видно из архивов, слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство – не менее распространенные методы семинарской администрации.

Известен плачевный факт, когда в 1900 г. инспектору семинарии вышибли окно. Пьяные семинаристы обвиняли инспектора в слежках и «иезуитском лукавстве» и, мол, поэтому они «повыколачивали» ему окна [9, л. 7]. Этот «пустячок» прошел бы незаметно, но между тем семинария стала распускаться и дальше. Появились вдруг петарды, хлопушки, а потом в окна ректора и его помощников полетели камни.

Несколькими годами позже в письме чиновника обер-прокуратуры одному из епископов по поводу беспорядков в некоторых семинариях можно прочесть следующее: «Причина беспорядков – бестактность инспекции и малоопытность ректоров» [1, с. 472]. Из отчетов в Синод видно, что только в Московских духовных школах за послед-

нее десятилетие XIX в. уволилось 134 инспектора, из них 7 со скандалом. А в Тифлисской семинарии волнения вообще привели к убийству ректора [1]. К началу XX в. полицейские и церковные власти зафиксировали внушительное число «неспокойных» семинарий.

Смоленские семинаристы отличались скандальным поведением и за стенами школы. В семинарии даже были разработаны специальные «Правила», утвержденные в марте 1900 г. епископом Смоленским и Дорогобужским Гурием, в которых сформулировано 34 требования к поведению семинаристов, живущих вне стен семинарии. Хозяева квартир под угрозой разрыва договора о съеме квартиры обязывались доносить инспектору семинарии обо всех случаях отклонения поведения квартирантов от требуемой нормы и о наличии у них огнестрельного оружия [10, с. 5].

Начиная с 1900 г., ректор семинарии обязан составлять отчет архиерею о состоянии учебного заведения. В делах содержатся отчеты ректора о духовно-нравственном состоянии воспитанников семинарии епископу Смоленскому Петру. Ежемесячный отчет содержит сведения о посещаемости учащимися и учителями богослужений, молебнов и уроков, о настроениях в семинарии [11].

Конечно, семинарские советы понимали, что система воспитания в духе «полицизма» не отвечает педагогическим задачам духовной школы и не способна подготовить молодежь, захваченную веяниями эпохи, к предстоявшему ей священническому служению. А Синод ограничивался рассылкой циркуляров по мелким вопросам, ничего не предпринимая для преобразования системы воспитания. Поэтому, забегая вперед, скажем, что в революционные дни 1917 г. в первых рядах ослепленных борцов-фанатиков за «свободу, равенство, братство» можно было видеть семинаристов.

Итак, анализ архивных документов и литературы показал, что протестное движение семинаристов представляло собой развивающийся процесс. Волнения семинаристов прошли путь от

возмущений плохими условиями повседневного быта семинарий до разболтанности и нигилизма. Политические протесты в духовной школе были обусловлены революционным движением в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии : к характеристике положения богословской науки в России / Б. В. Титлинов. – СПб., 1911.
2. Георгиевский Е. (митр.) Путь моей жизни / Е. Георгиевский (митр.). – М., 1994. – Кн. 3.
3. Федченков В. (митр.) О вере, неверии и сомнении / В. Федченков (митр.). – СПб., 1992.
4. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917 : в 2 ч. / И. К. Смолич. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996–1997.
5. Сперанский И. Материалы для истории духовно-учебных заведений Смоленской епархии / И. Сперанский // Смоленские епархиальные ведомости. – 1887. – № 4.
6. Назарова А. И. Организация воспитательной работы в средних духовных учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX века (на материале смоленской губернии) : монография / А. И. Назарова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2014.
7. Кечкин И. Бунты в духовных школах и первая Русская революция / И. Кечкин. – Режим доступа: <http://history-mds.ru>
8. Об аресте воспитанника VI класса Семена Васильевича Медведкова, о массовых беспорядках в семинарии в марте 1904 года. О ревизии семинарии членом-ревизором Учебного Комитета Д. И. Тихомировым // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. 49. – Оп. 1. – Д. 63.
9. Журнал педагогического собрания правления Смоленской духовной семинарии ГАСО. – Ф. 49. – Оп. 1. – Д. 71.
10. Правила для квартиродержателей в городе Смоленске, у которых своекоштные воспитанники семинарии имеют помещение и стол. – Смоленск, 1898.
11. Рапорт инспектора о поведении воспитанников // ГАСО. – Ф. 49. – Оп. 1. – Д. 71.

Смоленский государственный университет
Налётова Н. Ю., доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики и психологии
Тел.: 8-920-661-73-22

Smolensk State University
Nalyotova N. Yu., Dr. Habil. in Pedagogy, Professor
of the Pedagogic and Psychology Department
Tel.: 8-920-661-73-22